

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Опыт философского осмысления

К ВЫХОДУ В СВЕТ «РУКОПИСЕЙ И ВЫСТУПЛЕНИЙ» ПОЛЯ РИКЁРА

И.С. ВДОВИНА

В год смерти П. Рикёра (2005) его коллегами и единомышленниками была создана общественная организация, носящая имя философа – «Фонд Рикёра», которая в 2008 г. начала издание на французском языке его рукописей, текстов выступлений, архивных материалов на английском, итальянском, японском и других языках. В 2008 – 2013 гг. вышло три тома «Рукописей и выступлений»: т. 1: Вокруг психоанализа (2008); т. 2: Герменевтика (2010); т. 3: Философская антропология (2013)¹.

1. Вокруг психоанализа

Большинство текстов, вошедших в первый том, впервые увидели свет на английском языке; однако рукописные их варианты на французском сохранились – во многом благодаря Терезе Дюфло, в 1980 – 1990-е гг. работавшей секретарем П. Рикёра. Именно они были ориентирами для составителей настоящего издания.

Наиболее ранний из представленных в первом томе текстов – «Пост-скрипtum: последнее слушание Фрейда» – это выступление П. Рикёра на закрытии коллоквиума в Международном культурном центре в Серизи-ла-Саль (1962, Франция), посвященного теме «Искусство и психоанализ»; самый поздний – статья «Рассказ: его место в психоанализе», опубликованная в итальянском журнале «*Metauxi*» в 1988 г. А между ними: «Атеизм фрейдовского психоанализа», 1966; «Психоанализ и искусство», 1974; «Психоанализ и моральные ценности», 1974; «Вопрос о доказательстве в психоанализе», 1977; «Образ и язык в психоанализе», 1978; «Психоанализ и герменевтика», 1978; «Самость в психоанализе и в феноменологической философии», 1986; «Жизнь: рассказ и рассказчик», 1986.

Первый том «Вокруг психоанализа» включает в себя, как пишет, представляя его Ж.-Л. Шлезель, подготовивший книгу к изданию вместе с хранительницей Фонда К. Гольденштайн, самые труднодоступные тексты мыслителя, неизвестные во многих странах.

Эти работы относятся к «первому и следующему за ним» периодам творчества Рикёра. Шлежелъ выделяет в них три направления исследований:

- 1) психоанализ как знание, его способ действия и результаты;
- 2) проблема культуры;
- 3) рассказ и повествовательность.

Итальянский исследователь творчества Рикёра В. Бузакки в «Заключении» к книге², озаглавленном «Желание, идентичность, другой», сосредоточивает внимание на трудах философа, вышедших после произведения «Об интерпретации. Очерк о Фрейде» (1965), — фактически вплоть до самых последних, опубликованных при его жизни; он прослеживает развитие в них идей, которые первоначально были высказаны Рикёром в сообщениях и рукописных материалах, опубликованных в работе «Вокруг психоанализа». Попытаемся кратко представить их, опираясь на отечественные и зарубежные исследования, заметки Шлежелъа и Бузакки, суждения самого Рикёра.

Трудно согласиться с утверждением Бузакки о том, что «рефлексией о психоанализе отмечено все творчество Поля Рикёра не только потому, что присутствие Фрейда практически никогда не прерывалось в нем... но особенно потому, что оно интересовало его на всех уровнях рефлексии — методологическом, эпистемологическом, теоретическом, лингвистико-герменевтическом, философско-антропологическом, онтологическом, моральном, теологическом»³. Думается, не стоит преувеличивать значения этих «отмеченности» и интереса. Для понимания данной проблемы обратимся к «первому» периоду творчества Рикёра и даже к более раннему времени — к урокам философии в лицее, а также к труду «Об интерпретации. Очерк о Фрейде», в котором Рикёр подробно описывает свое отношение к учению основателя психоанализа.

Именно в лицейские годы (1920 — 1933) благодаря преподавателю философии Ролану Дальбьезу⁴ Рикёр познакомился с идеями основоположника психоанализа. Р. Дальбьез, сторонник неотомизма, первым во Франции обратился к философскому осмыслению психоанализа. Его перу принадлежит двухтомная работа «Психоаналитический метод и фрейдовское учение» (1936). Дальбьез, отмечал Рикёр в 1995 г., «был схоластиком, в своем преподавании он руководствовался рационалистической психологией, а в философии — реализмом»⁵. На занятиях Дальбьез подвергал критике идеализм Декарта, Беркли, Канта, Брюншвика. Главный его упрек в адрес идеалистических учений заключался в том, что их сторонники отвергают приоритет реального по отношению к уверенному в себе сознанию. Понимание идеализма Дальбьезом для Рикёра было карикатурным: Дальбьез «представлял идеализм как патологический “антиреализм”»⁶.

Отметим, что при поступлении в университет Ренна в 1934 г. Рикёр пишет работу, посвященную рефлексивной философии: «Рефлексивный метод и проблема Бога у Лашелье и Лавеля». Как отмечает сам Рикёр, благодаря этим мыслителям он оказался «посвященным и вовлеченным в традицию французской рефлексивной философии»⁷. Ж. Грейш, комментируя слова своего коллеги, пишет: путь Рикёра «обязан рефлексивной философии не только своим началом — он все время находился в русле этой философии»⁸. По признанию Рикёра, лишь спустя 10 — 15 лет он осознает «свой долг» по отношению к школьному учителю философии — размышляя о взаимоотношении волевого и не-волевого.

Создается впечатление, что Рикёр, требующий от себя (прежде всего от себя!) и от других философов «профессиональной честности», будет «оплачивать» этот долг в ходе своей теоретической работы при каждом подходящем случае.

В труде «Философия воли 1. Волевое и не-волевое» (1950) Рикёр ведет «долгие дебаты» с Дальбьезом, цитируя своего школьного наставника почти на каждой странице⁹. Предметом критики Рикёра будет «реализм» бессознательного, «физика» бессознательного, фрейдовский «генетизм»; за этим стоит критика редукции высшего к низшему, когда сознание ищет изначальную безответственность в регрессии к жизненному, инфантильному, архаическому. Однако вовсе не критика как таковая руководит мыслью Рикёра. В книге «Об интерпретации. Очерк о Фрейде» он напишет, что ему важно «новое понимание человека, введенное Фрейдом»¹⁰. Опираясь на факты, высвеченные психоанализом, и на его метод, Рикёр ставил задачей исходить из «другого рода философии». Формулированию философии «другого рода», главной темой которой станет осмысление человека, он посвятит все свое творчество¹¹. Психоанализ будет сопутствовать этому процессу как своего рода отправная точка, настоятельно требующая постановки собственно философских проблем и их решений, кардинально иных, нежели те, что предлагал Фрейд. В этом плане Рикёру, как он сам отмечал, будет интересна не столько теория психоанализа, сколько его практика¹², так как «последнее слово о психоанализе содержится не в том, что сам Фрейд говорил о нем, а в том, что он делал»¹³.

Книгу «Об интерпретации. Очерк о Фрейде» Рикёр открывает разделом «Психоанализ и язык», в котором сразу же заявляет о том, что будет вести свои исследования психоанализа с позиции философии языка, поскольку в сфере языка «сходятся все философские исследования»¹⁴. В психоаналитическом сеансе, в словесном общении между пациентом и аналитиком Рикёр распознал возможность обнаружения и осмысления важнейших философских проблем — проблем другого, диалога, интересубъективности, самости, повествовательного характера человеческого опыта, идеи нарративного построения «я» и др.

Именно на эти темы, в том или ином ракурсе рассматриваемые в книге «Вокруг психоанализа», обратим особое внимание.

Прежде всего Рикёр задается вопросами: что является фактом в психоанализе; какой тип отношения существует между аналитическим опытом и теорией? Размышляя об эпистемологическом статусе психоанализа, он утверждает, что факт в психоанализе имеет иную природу, нежели в науках о природе, о чем свидетельствует специфический характер процедур его постижения и метода трактовки. В объемном тексте «Вопрос о доказательстве в психоанализе» Рикёр пишет: «...психоаналитическая теория... есть кодификация того, что имеет место в аналитической ситуации, или, точнее, в аналитическом отношении»¹⁵, и приводит критерии, позволяющие говорить о специфике факта в психоанализе. Прежде всего, в психоанализе существует особое поле постижения — опыт, который может быть выговорен; аналитической ситуации свойствен контекст не-включенности в реальность, вызывающий желание говорить, пользоваться хождением слова. Психоаналитическая практика, считает Рикёр, ведет к тому, чтобы увидеть связь между желанием и языком — каким образом слово направляется к желанию, а желание втягивает в себя слово и само втягивается в говорение. Это «просачивание» с помощью слов в психоаналитическую ситуацию, согласно Рикёру, функционирует как критерий того, что должно быть принято за объект психоанализа: не инстинкт как психологический феномен, не желание как энергия, а желание как значение, способное к дешифровке, переводу и интерпретации (семантическое измерение желания)¹⁶.

Вместе с тем аналитическая ситуация включает в себя не только то, что может быть выговорено, рассказано, но и то, что может быть сообщено другому: психоанализ «заставляет разговаривать с другим»¹⁷. Здесь в высшей степени значима стадия трансфера: в человеческий опыт просачивается непосредственное интерсубъективное измерение. «Глубинный смысл лечения, — утверждал Рикёр еще в «Философии воли I», — состоит не в объяснении сознания через бессознательное, а в победе сознания над собственными запретами с помощью окольного пути через другого»¹⁸.

Анализируя проблему другого в психоанализе, Рикёр подчеркивает нарративный характер последнего. По его убеждению, психоанализ привел к работе со словом: пациента — к выговариванию, врача — к выслушиванию. Весь анализ, нацеленный на участие другого, проходит под эгидой языка; нарративный элемент с необходимостью включен в аналитический опыт. Способность говорить, вступать в общение с другими посредством языка Рикёр считает одной из определяющих черт человека как такового («человека могущего»¹⁹).

Одновременно в психоанализе, считает Рикёр, осуществляется нарративное построение «я», его идентичности: психоанализ пред-

ставляет собой лабораторию для собственно философского исследования понятия нарративной идентичности²⁰. Как отмечает В. Бузакки, комментируя рикёровскую трактовку психоанализа, пациент обращается к психоаналитику не только потому, что он страдает, но и потому, что он озабочен симптомами, поступками, мыслями, которые он не в состоянии координировать в последовательном и доходчивом рассказе. Причинный порядок, свойственный сфере бессознательного, действует на фоне беспорядка интенций сознания. Задача аналитика заключается в том, чтобы помочь пациенту преобразовать этот порядок-беспорядок в субъективное самопонимание; все объяснение разворачивается в плане дискурса и может утвердиться только в этом плане. Психоанализ есть герменевтика еще и в том смысле, что человек — это сущее, которое понимает себя путем самоинтерпретации и интерпретирует себя нарративным образом. Повествование есть способ самопонимания. Субъект узнает себя в истории, которую он рассказывает о самом себе²¹.

Еще одной из неосознаваемых целей психоаналитического лечения Рикёр считает помощь пациенту в построении рассказа о собственной жизни: умение повествовать о своей жизни и тем самым формировать собственную идентичность является существенной способностью «человека могущего». Пациент излагает аналитику обрывки жизненных коллизий, сновидений, конфликтных ситуаций и в результате предстает «запутавшимся» в них; это как бы предыстория рассказанной истории, ее задний план. Аналитик составляет из полученных обрывков рассказ — одновременно интеллигибельный и вполне терпимый. Рассказ «прививается» к запутавшемуся в своих историях существу и психоанализ содействует преобразованию отдельных фактов в интеллигибельное целое, создающее уникальную историю, даже если эта история не включает в себя целостную жизнь человека.

С рождением этой истории и включением в нее субъект рождается сам. «Повествование есть способ самопонимания сущего, когда он схватывает себя с точки зрения временности, повседневного жизненного времени, но также и в длительности, являющейся историей жизни от рождения до смерти»²². Эта модель повествования отлична от литературной модели и ее нельзя просто «встроить» в литературный рассказ: последний как текст имеет завершение, нам известно и его начало, история же нашей жизни — история открытая. Мы не знаем последней страницы «текста» нашей жизни; материал для самопроектирования поставляет диалектика вспоминания и ожидания. Психоанализ дает возможность (сам не реализуя ее) связать эти два момента. Происходит обмен между ними; видение будущего активизируется видением прошлого; нарративная структуризация всегда связана со способностью проектировать себя вперед²³, а с рас-

сказом о себе — способность к будущему преобразованию жизни и ответственности за нее.

Родством между понятием психоаналитического факта и понятием текста, по Рикёру, не исчерпывается содержание психоаналитического объекта; психоанализ подключает к «полю слова и языка» поле образа, обладающего «семиотическим измерением», которое не может полностью сводиться к языку, — к нему следует присоединить пространство воображения, фантазии²⁴. Как пишет Шлежел, самое главное, что остается в запасниках психоанализа, это открытость к будущему, обязанная воображению, это творческая способность человека, проецирующая его вперед.

Проблемы другого, диалога, идентичности «я» и самопонимания, нарративного построения «я», повествовательного понимания автобиографии, взаимосвязи нарративности и временности и др. будут развиваться Рикёром в трудах «Время и рассказ» (3 тома, 1983—1985), «От текста к действию» (1986), «Я-сам как другой» (1990), «Путь признания» (2004).

2. Герменевтика

Второй том «Рукописей и выступлений» П. Рикёра носит название «Герменевтика». В нем, как и в первом томе, собраны материалы, хранящиеся в Фонде Рикёра²⁵. Это — цикл выступлений французского мыслителя под общим названием «Проблема герменевтики» на четырех конференциях во Флоренции в мае 1988 г.: «Герменевтика и символизм», «Герменевтика и мир текста», «Семантика действия и деятеля», «Этические выводы из теории действия»; они были опубликованы на итальянском языке после смерти Рикёра в 2006 г. в посвященном ему втором номере журнала «Filosofia e Teologia». Здесь философ сосредоточивает внимание на этапах своего «герменевтического пути», который начался с анализа герменевтики символов в его двухтомном труде «Философия воли» и продолжился до герменевтики, концентрирующейся на понятии «мир текста», и разработке этических следствий из герменевтической теории действия. В книгу включены также статья «Метафора и центральная проблема герменевтики», опубликованная в 1972 г. в бельгийском журнале «Revue philosophique de Louvain» (t. 70), идеи которой будут развиты Рикёром в труде «Живая метафора» (1975); текст выступления «Герменевтическая логика?» в Международном Институте в Париже в 1978 г. Заключают второй том «Рукописей и выступлений» П. Рикёра тексты, посвященные библейской герменевтике: «Герменевтика идеи откровения» (выступление на теологической сессии университетских факультетов Сен-Луи в Брюсселе) и «Миф о спасении и разум» (выступление на четвертой Конференции по философии и религии в итальянском городе Мачерата в 1988 г.).

П. Рикёр является ярким представителем философской герменевтики наряду с Ф. Шлейермахером, В. Дильтеем, М. Хайдеггером, Г.-Г. Гадамером. Он идет к герменевтике от феноменологии, в частности от феноменологии религиозного опыта, важным элементом которого для философа является феномен греховности²⁶. Здесь, как и в случае с психоанализом, истоки главных идей философского мышления Рикёра следует искать в двухтомном труде «Философия воли» (т. 1 — 1950; т. 2 — 1960). Именно в «Философии воли», справедливо отмечает автор предисловия к книге «Герменевтика» Д. Фрей, Рикёр «интегрирует герменевтику с анализом феноменологического типа»²⁷. Сам Рикёр пишет: «Собственно, “Символикой зла”, ставшей вторым томом «Философии воли», датируется первое определение герменевтики: тогда она трактовалась как расшифровка символов, которые сами понимались в качестве выражений, имеющих двойной смысл: смысл буквальный, общеупотребительный, обычный, руководящий раскрытием другого смысла, со всей очевидностью проступающего за первым. Именно таким образом в “Символике зла” я формулировал часто потом повторяющееся изречение: символ заставляет мыслить»²⁸.

Знакомство с психоанализом, а затем со структурализмом вызвало у Рикёра, как он сам говорит, «двойной шок» и заставило трактовать интерпретацию в «более широком смысле, нежели описание выражений с двойным смыслом»²⁹. Практикуемая в «Символике зла» интерпретация понималась упрощенно — в ней во внимание принималось лишь «приращение смысла» и тем самым она противостояла редукционистской интерпретации. Фрейд, по словам Рикёра, «копающий глубже», высветил архаические аспекты Cogito, а Гегель выдвинул вперед телеологию самосознания, согласно которой «истина каждого образа содержится в следующем за ним образе»³⁰. «...так был поставлен вопрос о множестве интерпретаций и их конфликте»³¹. Одновременно Рикёр, как он пишет, начал «новую фазу» в понимании интерпретации, вытекающую из его занятий психоанализом; он сосредоточил внимание на символической структуре языка.

В расширении герменевтической проблематики решающую роль сыграл конфликт со структурализмом. Главным здесь был вопрос «о судьбе субъекта и самопонимания». В структурализме Рикёр, представитель рефлексивной философии, видел защитника анонимного функционирования системы знаков, не укорененных в субъекте; сам же мыслитель был уверен в том, что характеристики смысла неотделимы от посреднической роли самосознания, участвующего в формировании и функционировании систем. Герменевтика как интерпретация символов — это дисциплина философская и является таковой постольку, поскольку она есть момент понимания бытия и самопонимания «я». Структурализм и герменевтику следует

не противопоставлять друг другу, а соединять как объективный и экзистенциальный типы мышления; структурное объяснение – необходимый этап герменевтического понимания. Объяснение и понимание суть моменты «сложного процесса, который, собственно, и носит название интерпретации»³². Эту идею Рикёр демонстрирует в ходе анализа трех областей: теории текста, теории действия и исторической теории. В данной «триаде» Рикёр отводит тексту, как он сам говорил, роль лоцмана.

Понятие текста, согласно французскому мыслителю, имеет следующие особенности:

во-первых, оно предполагает понятие дискурса, речевой практики, высказывания, что включает в себя субъекта дискурса, акт дискурса, содержание дискурса, сверх-лингвистическую соотнесенность, слушателя: кто-то говорит что-то другому, следуя общим правилам;

во-вторых, понятие текста касается различения между устной и письменной речью; с переходом от устной речи к письменной рождается «новый инструментарий мышления»³³.

Далее (и это – в третьих), записанная речь становится носителем истории, которая уже не является исключительно речью своего автора. Эту ситуацию отражает двойственность понятия означивания: означать может пониматься либо как то, что означает текст, либо как то, что хотел сказать автор. В данном разделении между «говорить» и «означать» складывается феномен производства, творчества. Устная речь устанавливает отношение лицом-к-лицу, диалог в собственном смысле слова; собеседники всегда могут продемонстрировать друг другу объекты их разговора. В письменной речи такое «остенсивное» отношение отсутствует: здесь то, о чем рассказывается, соотносится с тем, что Рикёр называет «миром текста». Записанный текст адресован иному визави, тому, кто умеет читать, невидимому читателю, неопределенной и безграничной аудитории. Так, отмечает Рикёр, «начинается неизведанное путешествие текста»³⁴, где центральной оказывается «текстура», композиция текста, открывающая альтернативу между его структурированностью и открытостью миру и читателю. Последняя свидетельствует о способности человека преобразовывать реальность как таковую и собственную реальность, возвышая их.

Здесь первой задачей Рикёр считает «отыскание общей почвы между теорией текста и теорией метафоры»³⁵ и находит, что таковой является дискурс, речь. Однако если базовой единицей дискурса является фраза, то единицей метафоры – слово. Именно слово является носителем «рождающегося значения», которое ему сообщают определенные специфические контексты. Метафора наглядно демонстрирует символическую функцию языка: при построении метафоры буквальный смысл отступает перед метафорическим смыслом,

соотнесенность слова с реальностью и эвристическая деятельность субъекта усиливаются.

В метафорическом выражении, нарушающем семантическую правильность фразы и несовместимом с ее буквальным прочтением, Рикёр обнаруживает осуществление человеческой способности к воображению и творчеству. Поэзия с помощью метафоры «переописывает» мир. Мыслить больше – таков побудительный девиз метафоры. Метафора несет в себе конфликт между прежним смыслом, отложившимся в осадок и оказывающим сопротивление, и новым, прокладывающим себе путь. Метафора – это разрыв между традицией и новизной, пересмотр прошлого сквозь призму настоящего и будущего.

3. Философская антропология

Как уже отмечалось, целью Рикёра-философа было создание учения о человеке. Представляя третий том «Рукописей и выступлений» Рикёра и давая ему название «Философская антропология», Жоан Мишель и Жером Поре пишут: «...в глазах Рикёра, неотложной задачей философии является ответ на вопрос “что такое человек?”»³⁶. Перед составителями тома стояла сложная задача: отобрать из огромного рукописного наследия мыслителя наиболее значимые работы, свидетельствующие о «разнообразии перспектив, методов и концептов рикёровской антропологии», что «не исключает ее единства: среди этих текстов одни отсылают к рождению крупных произведений, другие дополняют их, третьи могут читаться как самостоятельные работы, но все они вычерчивают траекторию, непрерывность которой вполне естественно берет верх над кажущейся разрозненностью тем и проблем»³⁷. Единство своего творческого пути сам Рикёр в последнем тексте, написанном в декабре 2004 г. по случаю вручения ему премии Джона Клуге (Библиотека Конгресса США), обозначил словом «гуманизм»³⁸.

Мишель и Поре выделили три основные темы учения Рикёра о человеке и в соответствии с ними расположили работы философа, включив их в том «Философская антропология».

1. Феноменология воли («Внимание», «Единство волевого и неволевого как идея-предел», «Проблема воли и философский дискурс», «Феноменология воли и подход к ней через обыденный язык»).

2. Семантика действия («Символ заставляет мыслить», «Свобода», «Миф», «Символическая структура действия», «Человек как субъект философии»).

3. Герменевтика «я» («Индивид и личная идентичность», «Повествовательная идентичность», «Парадоксы идентичности», «Многоликая чуждость», «Адресат религии: человек способный»).

Размышлением Рикёра о неотложной задаче философии начинается Введение к книге, представляющее собой выступление философа

в Милане в 1960 г. «Антиномия человеческой реальности и проблема философской антропологии». Продолжая эту тему, коллеги Рикёра справедливо отмечают, что философ искал ответа на заданный вопрос не у наук о человеке, которые «распадаются на множество разнородных дисциплин и буквально не знают, о чем же они говорят», и не в «онтологии, которая по примеру онтологии Хайдеггера, считавшего, что у данных наук учиться нечему, остается слишком общей и неопределенной. Скорее, философская антропология состоит в постоянно возобновляющемся усилии связать первые и вторую»³⁹. Применительно к современности, считает Рикёр, вопрос «что такое человек» остается открытым и звучит так: «может ли человек либо утратить себя, либо обрести себя в труде, досуге, политике, культуре?»⁴⁰

Как и в случае с психоанализом и герменевтикой, Рикёр при обращении к истокам, где рождалась его философская антропология, отсылает к двухтомной «Философии воли», в частности к книге первой ее второго тома «Человек погрешимый». Считая, что проблему антропологической философии нельзя на нескольких страницах ни разрешить во всей ее полноте, ни даже просто поставить, он выбрал тему, которая была бы весьма специфичной для нее и вместе с тем показательной: тему внутренней антиномичности человека, заключающего в себе: волевое и не-волевое; действие и испытание воздействия; автономию и уязвимость; способность и хрупкость и т.д.

Однако Мишель и Поре обращают наше внимание на еще более раннюю работу Рикёра – его выступление в 1939 г., носящее название «Внимание. Феноменологическое исследование внимания и его философских связей»⁴¹. Этот текст, отмечают они, знаменателен не только потому, что представляет собой первое важное требование, выдвинутое Рикёром в сфере философии и дает представление о его исследовательском стиле – строгом и глубоком, но и потому, что в нем уже определены полярности (антиномии), или, как любил говорить сам мыслитель, “напряженности”, которые будут структурировать его последующие произведения, начиная с противопоставления волевого и не-волевого – «”человек погрешимый” уже присутствует в “человеке внимательном”, которого позже Рикёр назовет “человеком способным”»⁴².

Не менее интересно и то, имена каких философов и какие философские направления присутствуют в первой работе будущего философа и окажут влияние на формирование его учения. Мы сразу же встречаем имя Э. Гуссерля, противопоставившего феноменологическое понимание жизненного мира его научному объяснению, потребовавшего постичь специфику жизненного мира и выдвинувшего идею интенциональности как открытости сознания миру: «...сознание не выступает более как часть существующего мира, оно обнаруживает себя в качестве чистого сознания о..., а вся реальность

“сводится” к положению визави — *Gegenstand* — этого сознания»⁴³. На последних страницах работы — имя Г. Марселя, развивающего учение о «восходящей диалектике», на вершине которой душа, скорее участвующая в бытии, нежели рассматривающая его, где затухает различие между «во мне» и «передо мной» и завязывается отношение, в определенном смысле выходящее за границы сознания. Способность внимания «выходить за границы» расценивалась здесь как существо метафизики⁴⁴.

В «Свершившейся рефлексии» (1995) Рикёр, рассуждая о своем проекте антропологической философии, берущей начало в его ранних произведениях, напишет: «Если Гуссерлю я обязан методологией, выраженной термином “эйдетический анализ”, то Габриэлю Марселю — проблематикой субъекта, одновременно и воплощенного, и способного соблюдать дистанцию по отношению к своим желаниям и потребностям»⁴⁵. Высокая оценка гуссерлевского метода, который Рикёр сразу же взял на вооружение, не помешала ему подвергнуть критике безличного субъекта (он) трансцендентальной феноменологии немецкого мыслителя и противопоставить ему экзистенциально-личностную трактовку человека. Уже в первой своей работе он утверждал: философское значение внимания ориентирует нас не на противопоставление эмпирического «я» и Я трансцендентального, а на противопоставление безличного он и личности: безличный акт столь же абсурден, как и акт, лишенный интенциональности. «Поскольку философия внимания может обратить нас к персонализму, она же непосредственно ориентирует нас к философии существования»⁴⁶. Экзистенциально-персоналистская трактовка философии закладывалась Рикёром в самые первые годы его творчества.

Формируя вторую и третьи главы книги Рикёра «Философская антропология», Мишель и Поре ставили целью показать, как феноменологический метод, применяемый в ранних произведениях французского философа, продолжает действовать и в семантике («Семантика действия»), и в герменевтике («Герменевтика “я”»), обогащаясь по ходу исследований. Одно из примечательных явлений здесь — попытка соединения («встречи») феноменологии и аналитической философии, о чем свидетельствуют произведения Рикёра, начиная с 70-х гг. В это время в центре его теоретической работы проблема действия. Особое внимание Рикёра привлекла аналитическая концепция Дж. Остина и его единомышленника Дж. Сёрла, нацеленная, в частности, на анализ речевых актов и прояснение выражений обыденного языка. Французский философ ставил задачей расширить сферу смысла дискурса о действии до смысла самого действия, «выявить отношение между семиологией и праксеологией», отстоять тезис о том, что «не существует человеческого действия, которое не было бы уже артикулировано, опосредовано, интерпретировано с помощью символов»⁴⁷.

Вместе с тем Рикёр проводит мысль о том, что символизм носит не только «репрезентативный, но и конститутивный характер», откуда следует признание символического измерения человеческой жизни как таковой⁴⁸.

«Семантический поворот» в философской антропологии Рикёра, утверждают авторы Представления, неразрывно связан с «поворотом герменевтическим». Я не могу принять это дважды повторяющееся слово «поворот», как и проанализированное выше «беспрерывное» влияние психоанализа на учение Рикёра. Правда, и другие исследователи говорят о «поворотах» в творчестве французского мыслителя. Однако и семантическая, и герменевтическая проблематики присутствовали в философии Рикёра с первых его шагов, о чем свидетельствуют его ранние статьи и выступления. Интересны в этой связи суждения Ж. Грейша. Он приводит слова Рикёра из книги «От текста к действию» о философской традиции, к которой тот принадлежит: «Она находится на линии *рефлексивной* философии; она остается зависимой от гуссерлевской *феноменологии*; она хочет быть герменевтическим вариантом этой феноменологии»⁴⁹. Грейш обращает внимание на связь глаголов: находиться, оставаться, хотеть — и утверждает: нам с самого начала следует заменять эту связь последовательностью: «прошлое, настоящее, будущее». Так и в случае со словом «поворот»: его нельзя понимать, имея в виду отмеченную последовательность. Скорее, можно говорить об обращении на новом витке к тому, что уже было проблематизировано и разрабатывалось в философии Рикёра. Вероятно, именно поэтому Рикёр, говоря об аналитической философии, прежде всего подчеркивал ее стиль: готовность и стремление к диалогу. Диалог не ведут на пустом месте — диалог есть «стремление обдумывать вместе», к чему, собственно, Рикёр стремился всегда. Так, например, по поводу «теории речевых актов» Остина он говорил, что стал включать некоторые положения этой теории в свою герменевтику человеческого действия⁵⁰, и вместе с тем отмечал, что стремился подвести своих собеседников-аналитиков к мысли о том, что их поиски могут достичь цели, если они будут интегрированы в разрабатываемую им герменевтику делания и говорения⁵¹.

Третья глава книги состоит из текстов, посвященных проблематике личной идентичности. Ее главный тезис — воля находит свой смысл в действии и, только действуя, человек понимает себя и по-настоящему становится «я». Авторы Предисловия справедливо прибавляют к этому необходимость понимания себя как другого, присоединяя к нему в качестве неотступных составляющих общество и культуру.

Симптоматично, что, следуя замыслу составителей, завершает книгу Поля Рикёра «Философская антропология» его последняя работа — речь при вручении премии Джона Клуге (Библиотека Конгресса США) за достижения в гуманитарных науках, озаглавленная «Лич-

ные способности и обоюдное признание». В этом тексте, написанном философом незадолго до кончины, он поставил задачей рассказать о некоторых основополагающих позициях своего гуманизма — от собственных способностей человека до его обращения к другому — с целью придания им социального статуса. «Общей ставкой этих двух полюсов является личная идентичность»⁵².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Ricœur P. Écrits et conférences 1. Autour de la psychanalyse.* — Paris, 2008; *Ricœur P. Écrits et conférences 2. Herméneutique.* — Paris, 2010; *Ricœur P. Anthropologie philosophique. Écrits et conférences 3.* — Paris, 2013.

² См.: *Busacchi V. Postface : le désir, l'identité, l'autre // Ricœur P. Écrits et conférences 1. Autour de la psychanalyse.* P. 303 — 317.

³ *Ibid.* P. 304.

⁴ См.: *Вдовина И.С. Поль Рикёр // Вдовина И.С. Феноменология во Франции.* М., 2009. С. 273 — 274.

⁵ *Ricœur P. La critique et la conviction.* — Paris, 1995. P. 17.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ricœur P. Réflexion faite.* — Paris, 1995. P. 15. См. также: *Блауберг И.И. П. Рикёр и рефлексивная философия: некоторые аспекты // Поль Рикёр: Человек — общество — цивилизация.* — М., 2015.

⁸ *Грейш Ж. Наследие рефлексивной философии: пути видимые... // Поль Рикёр: Человек — общество — цивилизация.* С. 90.

⁹ См.: *Ricœur P. Philosophie de la volonté. I. Le volontaire et l'involontaire.* — Paris, 2009. P. 468 — 512.

¹⁰ *Ricœur P. De l'interprétation. Essai sur Freud.* — Paris, 1965. P. 8.

¹¹ См.: *Ricœur P. Anthropologie philosophique. Écrits et conférences 3.* — Paris, 2013; *Поль Рикёр: человек — общество — цивилизация.*

¹² Как справедливо заметит в этой связи Бузакки, на деле, в аналитическом опыте содержится нечто большее, чем то, что можно постичь из метапсихологических рассуждений Фрейда (см.: *Busacchi V. Postface : le désir, l'identité, l'autre.* P. 307).

¹³ *Ricœur P. Psychanalyse et herméneutique // Ricœur P. Écrits et conférences 1. Autour de la Psychanalyse.* P. 76.

¹⁴ *Ricœur P. De l'interprétation. Essai sur Freud.* P. 13.

¹⁵ *Ricœur P. La question de la preuve en psychanalyse // Ricœur P. Écrits et conférences 1. Autour de la psychanalyse.* P. 21.

¹⁶ *Ibid.* P. 22.

¹⁷ *Ricœur P. Image et langage // Ricœur P. Écrits et conférences 1. Autour de la psychanalyse.* P. 108.

¹⁸ *Ricœur P. Philosophie de la volonté I. Le volontaire et l'involontaire.* P. 500 — 501.

¹⁹ См.: *L'Homme capable. Autour de Paul Ricœur // Rue Descartes. Hors série.* — Paris, 2006; *Вдовина И.С. Поль Рикёр: что может человек // Поль Рикёр: человек — общество — цивилизация.*

²⁰ См.: *Ricœur P. Temps et récit 3. Le temps raconté.* — Paris, 1985. P. 444.

²¹ В книге «Я-сам как другой» (1990) вопрос об идентичности человека и его самости будет изучен Рикёром с учетом новейших исследований в сфере языка, деятельности, повествования.

²² *Ricœur P. Le récit: sa place en psychanalyse.* P. 286 — 287.

²³ См.: *Ibid.* P. 286 — 289. В самом психоанализе, по убеждению Рикёра, отсутствует понимание открытости к будущему, связанной с воображением, с творческой способностью человека.

²⁴ См.: *Ricœur P. Image et langage.* P. 22.

²⁵ Следует отметить большую работу, проделанную издателями книги, членами Научного совета Фонда Рикёра Д. Фреем и Н. Стрикером по комментированию

ванию и составлению библиографических указаний, сопровождающих тексты Рикёра, собранные в книге «Герменевтика».

²⁶ См.: Малахов В.С. Герменевтика философская // Новая философская энциклопедия. – М., 2000. С. 514; Вдовина И.С. Феноменология во Франции. – М., 2009. С. 319 и след.

²⁷ Fray D. Présentation // Ricœur P. Écrits et conférences. 2. Herméneutique. – Paris, 2010. P. 7.

²⁸ Ricœur P. Réflexion faite. Autobiographie intellectuelle. – Paris, 1995. P. 31. См. также: Ricœur P. Écrits et conférences. 2. Herméneutique. P. 18 – 25.

²⁹ Ibid. P. 26. Это нашло отражение в книге: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. – М., 2009.

³⁰ Ricœur P. Écrits et conférences. 2. Herméneutiqu. P. 27.

³¹ Ibid. P. 28.

³² Ricœur P. Du texte à l'action. – Paris, 1986. P. 162. Этой проблеме посвящен специальный раздел «Объяснять и понимать». См. также: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. – М., 2008 (раздел «Структура и герменевтика»); Рикёр П. Понимание и объяснение // Новая философская энциклопедия. Т. III. – М., 2001.

³³ См. раздел «Отношение слова и письма» в книге «От текста к действию».

³⁴ См.: Ricœur P. Écrits et conférences. 2. Herméneutique. P. 35 – 39. Понятие «мир текста» разрабатывалось Рикёром в трудах «От текста к действию», «Живая метафора», «Время и рассказ».

³⁵ См.: Ricœur P. La métaphore et le problème central de l'herméneutique // Ricœur P. Écrits et conférences. 2. Herméneutique. P. 92.

³⁶ Michel J., Porée J. Présentation // Ricœur P. Anthropologie philosophique. Écrits et conférences. 3. P. 8.

³⁷ Ibid. P. 12.

³⁸ См.: Ricœur P. Capacités personnelles et reconnaissance mutuelle // Ricœur P. Anthropologie philosophique. Écrits et conférences. 3.

³⁹ Ibid. P. 8.

⁴⁰ Ricœur P. Introduction. L'antinomie de la réalité humaine et le problème de l'anthropologie philosophique // Ricœur P. Anthropologie philosophique. Écrits et conférences. 3. P. 21.

⁴¹ Ricœur P. L'attention. Étude phénoménologique de l'attention et de ses connexions philosophiques // Bulletin du cercle philosophique l'Ouest. 1940. № 4. По утверждению авторов, «распространение этого текста было конфиденциальным» (Michel J., Porée J. Présentation. P. 13. Мне посчастливилось войти в число «конфиденциальных получателей» данного текста благодаря благодатному жесту О. Абеля, предоставившего этот текст (через посредничество О.И. Мачульской) российским исследователям творчества П. Рикёра.

⁴² См.: Michel J., Porée J. Présentation. P. 13, 14.

⁴³ Ricœur P. Méthode et taches d'une phénoménologie de la volonté // Ricœur P. A l'école de la phénoménologie. – Paris, 1986. P. 59. Данный текст представляет собой доклад Рикёра на Международном коллоквиуме по феноменологии, состоявшемся в 1951 г., т.е. сразу после выхода в свет первого тома «Философии воли».

⁴⁴ Ricœur P. L'attention. Étude phénoménologique de l'attention et de ses connexions philosophiques // Anthropologie philosophique. Écrits et conférences. 3. P. 91.

⁴⁵ Ricœur P. Réflexion faite. P. 24.

⁴⁶ Ricœur P. L'attention. Étude phénoménologique de l'attention et de ses connexions philosophiques. P. 79.

⁴⁷ Ricœur P. La structure symbolique de l'action // Anthropologie philosophique. Écrits et conférences. 3. P. 277; См.: Вдовина И.С. Поль Рикёр // Вдовина И.С. Феноменология во Франции. С. 352 и след.

⁴⁸ См.: Michel J., Porée J. Présentation. P. 15.

⁴⁹ Ricœur P. Du texte à l'action. – Paris, 1986. P. 25.

⁵⁰ См.: Рикёр П. Творческие возможности языка // Керни П. Диалоги о Европе. – М., 2002. С. 254.

⁵¹ Ricœur P. Réflexion faite. P. 76.

⁵² Ricœur P. Capacités personnelles et reconnaissance mutuelle. P. 445.

REFERENCES

Blauberger I.I. P. Ricœur and reflective philosophy: some aspects. In: *Paul Ricœur: Man – society – civilization*. I.I. Blauberger (ed.). Moscow, Kanon+ROOI “Reabilitatsia”, 2015. (in Russian).

L'Homme capable. Autour de Paul Ricœur. In: Rue Descartes. Hors série. Paris, 2006.

Paul Ricœur: Man – society – civilization. I.I. Blauberger (ed.). Moscow, Kanon+ROOI “Reabilitatsia”, 2015. 392 p. (in Russian).

Ricœur P. *De l'interprétation. Essai sur Freud*. Paris, 1965.

Ricœur P. *Écrits et conférences 1. Autour de la psychanalyse*. Paris, 2008.

Ricœur P. *Écrits et conférences 2. Herméneutique*. Paris, 2010.

Ricœur P. *Anthropologie philosophique*. Écrits et conférences 3. Paris, 2013.

Ricœur P. *Du texte à l'action*. Paris, 1986.

Ricœur P. *La critique et la conviction*. Paris, 1995.

Ricœur P. *Philosophie de la volonté I. Le volontaire et l'involontaire*. Paris, 2009.

Ricœur P. *Réflexion faite*. Paris, 1995.

Ricœur P. *Temps et récit 3. Le temps raconté*. Paris, 1985.

Ricœur P. *The conflict of interpretations*. Moscow, 2008 (trans. in Russian).

Ricœur P. The creative possibilities of language. In: Kearney R. *Dialogues on Europe*. Moscow, 2002 (trans. into Russian).

Vdovina I.S. Phenomenology in France. Moscow, 2009 (in Russian). 400 p.

Аннотация

В статье представлены 3 книги Поля Рикёра: «Вокруг психоанализа» (2008), «Герменевтика» (2010), «Философская антропология» (2013), подготовленные к печати коллегами и друзьями мыслителя и изданные «Фондом Поля Рикёра». В книги включены тексты рукописей, выступлений, архивных материалов философа (начиная с 1939 г.), впервые опубликованные на французском языке. Это – труднодоступные тексты, неизвестные во многих странах. В качестве бесценного приложения публикуется перевод речи Поля Рикёра «Личные способности и взаимное признание», подготовленной им (но не произнесенной по состоянию здоровья) для выступления при получении премии Клуге в Библиотеке Конгресса США 20 декабря 2004 г.

Ключевые слова: рефлексивная философия, психоанализ, феноменология, структурализм, герменевтика, аналитическая философия, философская антропология, человек, «я», самость, личная идентичность, другой, диалог, признание, культура.

Summary

The paper presents three books of Paul Ricœur: *Around psychoanalysis* (2008), *Hermeneutics* (2010), *Philosophical Anthropology* (2013), prepared for printing by colleagues and friends of thinker and published by the *Paul Ricœur Foundation*. The book includes texts of manuscripts, speeches, archival materials of philosopher (since 1939), first published in French. These texts are unknown in many countries. As an invaluable application the translation of Paul Ricœur's speech *Personal abilities and mutual recognition* is published. This speech was prepared (but not delivered by P. Ricœur on health grounds) on the occasion of receiving by P. Ricœur Kluge Prize at the Library of Congress December 20, 2004.

Keywords: reflexive philosophy, psychoanalysis, phenomenology, structuralism, hermeneutics, analytical philosophy, philosophical anthropology, man, “I”, the self, personal identity, other, dialogue, recognition, culture.